

рїей и вѣзмъ божьимъ, Богомъ сотвореннымъ міромъ, и больше всего надъ самимъ собой,—отвергъ Толстой красоту и великолѣпіе міра, такого прекраснаго въ творенїяхъ его. Ее-то, пережитую и пересказанную чудную сказку-быль своей жизни, Толстой усиливается испепелить, спалить на пылающемъ пламени своей насыщенной, жадной до правды, совѣсти, все неся на ея алтарь: науку, искусство, государство, право, хозяйство, быть и весь вообще прогрессъ... Бракъ, семья, умственный трудъ, царь, религія и вся, нажитая человѣчествомъ вѣками, культура, вся исторія, какъ болящій зубъ, вырывается и бросается въ пещь огненную для очищенія совѣсти, требующей всеожженія. Ради нея, ради этой своей самовластной и непослушной совѣсти отвергнувъ все, чѣмъ жилъ и жить давалъ другимъ, что любилъ и любимымъ дѣлалъ, съ чѣмъ мирился и примирялъ; и, отвергнувъ, чего только не продѣлывалъ Толстой въ этомъ кладоискательствѣ, чудовымогательствѣ своемъ, отъ искушенія самоубійствомъ до ухода изъ семьи передъ смертью. Всѣ эти факты „житія“ Толстого, всѣ эти „чудеса“ люду православному, жизни послушному, чудачествомъ казались. Толстому же они стоили, быть-можетъ, кроваваго пота, но жизнь—сильная въ немъ, щедро дарящая его своими богатствами,—все вмѣщала въ себя, даже отрицаніе ея, и, какъ-то обойдя окольными, природными же путями, всѣ упрямыя подкапыванія подъ нее со стороны Л. Н., пересоздавала и самый безсильный бунтъ Толстого въ силу жизни и долготу дней его.

А жизнь Толстого и нажитая имъ художественная мудрость почти уже раскрывали тайну этого міра, какъ великаго и дивнаго Божьяго чуда, для самого Толстого, однако, все это было не тѣмъ чудомъ, котораго, хотя смутно, но такъ страстно искалъ онъ. Чудесный Божій міръ, какъ данность чуда, пересталъ его очаровывать, онъ не хотѣлъ продолжать копать въ землѣ почти уже вырытый имъ кладъ, *кладъ отеческой, дѣдовской правды*, кладъ дарованной ему благодати Божіей, и пошелъ добывать иной, неземной, а воздушный кладенецъ. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, онъ соблюлъ видимость Христову безъ сущности Христовой Церкви...

„Женщина говоритъ ему: Господинъ! Тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокій: откуда же у Тебя вода живая? Неужели Ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь,